

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ. ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

DOI10.25991/VRHGA.2019.20.3.014

УДК I (38) (091):37.013.83

*А. С. Степанова**

РОЛЬ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФИЛОСОФСКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА (ПАНСОФИЯ И ДИДАКТИКА) Я. А. КОМЕНСКОГО**

Статья посвящена вопросу о влиянии античного наследия на принципиальные моменты проекта Я. А. Коменского, способствовавшего формированию его эвристического потенциала. Выявляется концептуальный смысл обращения мыслителя и педагога к античным идеям и понятиям, особенно стоическим. Отмечено, что текст «Великой дидактики» содержит значительное число фрагментов, в которых цитируются и трактуются античные авторы, причем данное обращение содержит черты философско-образовательного синтеза и имеет методологическое значение. Согласование парадигм знания и обучения в направленном на целостность проекте Коменского, соответствовало греческому проекту пайдейи.

Ключевые слова: античная пайдейя, дидактика, естественный свет, Коменский, природосообразность, пансофия, стойки, чистая доска.

A. S. Stepanova

*THE ROLE OF ANCIENT HERITAGE IN FORMATION THE HEURISTIC CAPACITY
OF PHILOSOPHICAL-EDUCATIONAL PROJECT (PANSOFIA AND DIDACTICS)*

J. A. KOMENSKY

Article is dedicated to a question about the influence of antique heritage on the fundamental moments of project I. A. Komensky which contributed to the formation of his heuristic potential.

* Степанова Анна Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и общественных коммуникаций факультета философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; A-Step@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00940/19 «Эвристический потенциал философско-образовательного проекта Я. А. Коменского». (The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 19-013-00940/19 «Heuristic potential of the philosophical and educational project of Ian Amos Komensky»)

The conceptual sense of turning thinker and teacher to antique ideas and concepts, the especially Stoic is revealed. It is noted, that the text "Great Didactics" contains the significant number of fragments, in which are cited and treat the antique authors. This rotation contains the features of philosophical- educational synthesis and has methodological value. The agreement of the paradigms of knowledge and instruction in the project of Komensky aimed at the integrity, corresponded to the Greek project of Paideia.

Keywords: the ancient Paideia, the didactics, the natural light (*lumen naturalis*), Komensky, conformity to nature, Pansofia, Stoics, the clean board (*tabula rasa*).

Обращает на себя внимание частое обращение Я. А. Коменского к античному наследию. Что же за этим стоит? Представляется, что отношение Я. А. Коменского к трудам античных авторов вовсе не так однозначно, как принято считать. Оно не только противоречиво, но достаточно многогранно и конструктивно, и об оттенках этой многогранности можно заключить, исследуя прежде всего текст «Великой дидактики». Характерно, что уже в первой же главе «Великой дидактики» Я. А. Коменский, апеллирующий к знаменитой надписи в древнегреческих Дельфах, изречению «Познай самого себя», дает собственное его истолкование, выражающее идею христианства: «меня, то есть Бога». Данный фрагмент проанализирован Р. Н. Деминым [2, с. 229].

Конечно, отстаивание христианских идеалов, следование определенным нравственным установкам влечет за собой непримиримое отношение Я. А. Коменского к ряду античных авторов, прежде всего поэтов (их критике посвящена 25-я глава), например, Катуллу, Плавту или Овидию. Вместе с тем в другом месте он советует для обучения юношества владению словом привлекать таких авторов, как того же Овидия, но еще и Катона, и Тибулла. Преимущественное внимание уделено Коменским историкам, способным обучить не только стилю, но и наилучшему познанию мира, среди них: Корнелий Непот, Курций, Цезарь, Юстин [7, с. 68, 82]. Нашлось место и Диогену Пифагорейцу с его трактатом «Воспитание юношества». Большая благосклонность высказана им Коменским отношению к Цицерону, Вергилию и Горацию как выдающимся авторам, хотя они и «слепые язычники»; наряду с этим содержится упоминание о «достойном чтении Цицерона» во взрослом возрасте [5, с. 253, 258]. Резкий выпад против Аристотеля, дающего неучтивым богословам «кровь и дух», скорее, отвечает необходимости сбережения христианских идеалов [5, с. 244]. Спор с Аристотелем демонстрирует и противодействие схоластике, что выражено в термине «матайология», т. е. «пустословие», который, как подчеркивает исследователь С. М. Марчукова, Я. А. Коменский приписывал Аристотелю и Декарту, размышляя о форме преподавания христианства [9, с. 114]. Вместе с тем содержателен спор с Платоном, с его теорией идей, поскольку у великого античного философа на первый план выходит, как отмечает Я. А. Коменский, «речь о действительно окружающих нас вещах», что отвечало научной интенции XVII в. [5, с. 211]. Ссылался Я. А. Коменский и на высказывания античных авторов Сира и Манилия.

Вообще, хотя Я. А. Коменский и спорит с античными авторами, что вполне объяснимо для человека христианской культуры, но, тем не менее, он не только слишком часто ссылается на них, но анализирует их труды с целью прояснить концепцию своей дидактики. Так, значимая для пансофии Комен-

ского парадигма знания отражена в цитировании им высказывания Исократ, воспринимаемого как манифест: «Если будешь любить знание, будешь много знать» [5, с. 163]. Подчеркивает кредо дидактической теории Я. А. Коменского и изречение Квинтилиана из трактата «О воспитании оратора» I 38: «Стремление к учению определяется волею, которую принудить нельзя» [5, с. 166]. Для Коменского воля — один из элементов «несозданной троичности» души, состоящий в выборе полезного. Тексты Я. А. Коменского показывают значимость для его концепции государства идеала мудрого царя, столь характерного для платоновской идеи мудрого правителя. С. М. Машевская, проанализировавшая сборник пьес Я. А. Коменского «Sholaludus», со ссылкой на чешское издание трудов Коменского 1913 г. отмечает, что «в советниках у царя ходят такие философы, как Платон и Аристотель...» [11, с. 303] Так что Коменский упоминает в весьма конструктивном плане философов Пифагора, Платона, Аристотеля, Сенеку, Цицерона, а также римских писателей, но вообще повсюду выделяет стоиков, изрядно их цитируя. Знаковым в этом смысле является его обращение к Тертуллиану — ученику стоиков, которого он цитирует, давая определение искусству о б у ч е н и я : «“discentia”, как его следует называть по выражению Тертуллиана» [4, с. 15]. Этот фрагмент указывает на внимание Коменского к позднеантичной теории образования, относящейся к переходному по отношению к эпохе христианства периоду.

Следует отметить, что воспитательно-образовательный оттенок со временем получил у древних греков концепт ἀρετή, эволюционировавший от значения «доблесть», «отвага» к значению «гражданская доблесть», «добродетель»: «... идеал положительной нравственности — ἀρετή, переходящая по мере развития нравственной культуры от понятия “доблести” к понятию “добродетели”» [3, с. 36]. Но всякое нравственное требование предполагает обладание знанием — умением различить (и осуществить выбор) между κατόρθωμα (достойный поступок, подвиг, доброе дело) и ἀμαρτία (избежание проступка, прегрешение). Этот логический вывод сделали философы-стоики, благодаря этике которых понятия «доблесть» (в значении «нравственность») и «мудрость» сблизилась, т. е. идеал ἀρετή дополнил идеал «σοφία» в содержательном — синтезированном смысле. Но еще раньше идеал «софии» постепенно приобрел черты и образовательного идеала, а отчетливо педагогическим смыслом σοφία, приобретшим значение категории этот идеал наполнился лишь в эпоху классическую. Поэтому справедливо замечание исследователя: «Педагогический аспект учения о софии нашел отражение, прежде всего, в идеалах образования и воспитания, выдвинутых Сократом и Платоном» [10, с. 16]. Этот софийный момент как раз и подчеркивает Я. А. Коменский, создававший концепцию пансофии, ссылающийся на Платона и Аристотеля, ценя особым образом философский аспект античной педагогики, ориентированной на знание добродетели. Рассуждая о том, что «образование нужно для всех», Я. А. Коменский напомнил высказывание Платона: «Человек есть самое смиренное и божественнейшее животное, если он усмирен истинным воспитанием; без воспитания же, или с ложным воспитанием он самое свирепое животное из всех, каких производит земля» [4, с. 105]. «Истинное» Я. А. Коменский здесь почти отождествляет с «нравственным». В другом месте «Великой дидактики» Я. А. Коменский про-

должает: «Итак, не закрывайте доступа всему народу христианскому к науке и мудрости...» [4, с. 569] Я. А. Коменский касается в «Великой дидактике» темы способности к обучению. В этом отношении важно его обращение к учению Пифагора, согласно преданию, утверждавшего, что «человеку от природы свойственно все знать». Любопытен и пример, который приводит Коменский со ссылкой на Пифагора: «...если семилетнего мальчика разумно спрашивать о всех вопросах философии, то он мог бы ответить на все вопросы именно потому, что единый свет разума по своей форме и по своим пределам достаточен для всех вещей...» [4, с. 92] Данный пассаж отсылает нас к известному рассуждению Платона в диалоге «Менон» о мальчике, способном обучиться геометрии путем наводящих вопросов. Аргументация Платона хорошо известна — данная способность проистекает из феномена анамнесиса (воспоминания) душой всего, что она когда-то знала. Мысль о том, что возможность обучения заложена изначально как в основе самого мира, так и в душе отдельного человека, чрезвычайно близка Коменскому, стоит только найти ключ к ней, для Платона этот ключ — воспоминание. Вместе с тем аргумент Я. А. Коменского — другой, он основывается на идее естественного света (*lux naturalis*), этой идейной парадигме XVII в., пределы его безмерны, о чем педагог упомянет и в другом месте «Великой Дидактики», говоря о свойствах ума. Данная идея выступает у Коменского в качестве концепта «умного света», выражающего фундаментальное положение его философского образовательного проекта, позволяющее ему выводить отсюда следствия в виде дидактических постулатов. Характерно и свойственное общему духу данного трактата замечание, касающееся темы препятствий для улавливания этого света после грехопадения: «...а те, которые должны были бы его (мальчика) освободить, постоянно еще более запутывают». В данном фрагменте Я. А. Коменский четко позиционирует себя в качестве педагога, инициатора нового подхода, противостоящего сложившейся практике обучения, уводящей от этого естественного света, долженствующего пробудить душу ребенка и в познавательном и в нравственно-образовательном плане. Образ и идея естественного света, значимые для духовной культуры XVI–XVII вв. в целом, применены Я. А. Коменским к сфере дидактики и имеют прямое отношение к идеалу пробуждения человека, открытого просвещению, ибо естественный свет и есть ключ к обучению и духовному прозрению человека. Здесь же можно усмотреть исток представлений Я. А. Коменского об активной позиции обучаемого, залогом которой является врожденная способность, динамичная по своей природе, совокупный потенциал которой также указывается Я. А. Коменским: «...одаренный чувством и разумом человек», — добавляет он к предшествующим рассуждениям. Кроме того, отдельно им отмечаются в качестве всеобщей человеческой способности способность и стремление к трудам. Так Я. А. Коменский очерчивал условия возможности обучения. В тексте Коменского, конечно, можно заметить следы современных ему научно-философских представлений сенсуалистического толка, но приверженность теории естественного света не позволяет называть его дидактическое учение всецело сенсуалистическим. Более того, очевидна некоторая противоречивость его позиции, усиливающаяся явной приверженностью образу души ребенка как чистой доски.

В этом вопросе он ссылается на сравнение Аристотелем души с *чистой доской*, «на которой еще не было ничего написано, но можно было бы написать все». Следующее затем утверждение Коменского интересно тем, что он развивает данное положение, дополняя его рассуждением, долженствующим доказать не только возможность и специфику процесса познания, но и обучения ребенка. На самом деле речь здесь идет о трансляции стоической традиции, согласно которой, душа ребенка представляет собой чистый лист бумаги (термин стоиков *χάρτα*), на которой опыт и образование начертывают свои письмена. Характерны чисто стоические гносеологически значимые образы, которые использует Коменский: образ печати и воска, называя удачным сравнение мозга, «этой мастерской мысли», с воском, на котором «оттискивается печать или из которого лепятся фигурки» [4, с. 90]. Данная модель *tabula rasa* чуть позже будет взята на вооружение Дж. Локком (1632–1704), использовавшим ее и в теории познания, и в педагогике, в дальнейшем в тех же целях ее анализировал В. Ф. Одоевский [13, с. 40].

Существенно, что именно вслед за античными авторами, идеи которых в концентрированном виде выражали стоики, создавшие учение о космосе как об общем доме и высказывавшие максимуму «из одного все и из всего одно», а также обратившие внимание на вопрос о природе человека, Коменский называет человека микрокосмосом (малым миром), содержащим в сжатом виде все, что его объемлет (макрокосмос) [4, с. 80, 91]. Этот образ стал играть первостепенную роль в концепции матетики как обучения познанию всех вещей в мире.

Говоря о следовании природе (чисто стоический, следует отметить, тезис) как главном принципе обучения, Я. А. Коменский обращался к наследию Цицерона, в этом вопросе ученика стоиков: «...если ты будешь следовать водительству природы, никогда не ошибешься, ведь природа-предводительница никоим образом не может ошибаться» [4, с. 188]. Принцип природосообразности у Я. А. Коменского выявляет амбивалентность понимания им природного начала — это и природное (коренное), проявляющееся в человеке, и одновременно, природа самого человека.

Значима с точки зрения формирования дидактического метода критика Я. А. Коменским учебного метода, предлагавшегося Витрувием и Квинтилианом. Так, в разделе «Об очищении метода от ошибок (первое основоположение)» мыслитель спорит с этими античными учеными и теоретиками педагогики: «Правила сначала преподносятся в отвлеченной форме, а затем разъясняют их приводимыми примерами, хотя свет должен был бы предшествовать тому, что ему назначено освещать», — замечает Коменский [4, с. 85]. Далее (второе основоположение) он уточняет, что необходимо «примеры предпосылать правилам», аналогично тому, как реальные науки необходимо «предпосылать формальным». Именно такая последовательность позволяет «заботиться о корне познания» [4, с. 86, 90]. Любопытно, что Я. А. Коменский здесь, по существу, спорит с риторическими приемами, разработанными Аристотелем, утверждавшим, что, хотя «речи, насыщенные примерами, не менее убедительны», все же «большее впечатление производят речи, богатые энтимемами» (Риторика, 1356 b) [1, с. 11]. Различие подходов очевидно. Задачей Аристотеля было доказательство роли риторического силлогизма, в отличие от примеров,

основанных на индукции. Для Я. А. Коменского индукция — отправная точка как познания, так и обучения. Вместе с тем эта интенция на совместность задач познания и обучения соответствовала греческой пайдейе.

Особое внимание Я. А. Коменского к древнеримским авторам, особенно к стоикам, может быть объяснено началом практической деятельности по созданию системы образования. Кроме того, общность позиций со стоиками определяется мировоззренческой установкой, с ее интенцией на природное начало: «То, что подсказано природой, принадлежит всем», — говорил Сенека, дополняя тезис ранних стоиков о необходимости следования природе (Нравственные письма к Луцилию, IX. 21) [12, с. 18]. Эта мысль о природе как источнике всего, прежде всего самой жизни, звучит в разных контекстах в учении Я. А. Коменского, упоминающего необходимость усматривания общего корня (*communis radix*) в познавательно-образовательном процессе, призванном имитировать природу. Так, он утверждал: «Природа ничего не делает без основания, без корня» [4, с. 274].

Не случайно Коменский процесс воспитания уподоблял выращиванию растения. Мысль Я. А. Коменского соотносима с высказыванием Марка Аврелия: «Ничто так не любит природа Целого, как изменять существующее и творить новое подобное. Ибо все существующее есть некоторым образом семя того, что из него произойдет» (Размышления IV 36) [8, с. 69]. Смысл данной позиции для образования состоит в признании лишь направляющей роли педагога, способствующего раскрытию природных задатков, но создающего при этом через посредничество ученика новое качество.

Общность подходов Я. А. Коменского и Сенеки касалась прежде всего общей цели обучения, что выражалось у Сенеки, а вслед за ним у Коменского, в максиме «учить не для школы, а для жизни». Данная мысль уточнялась соответственно Сенекой и Я. А. Коменским ссылкой на необходимость для получения полноценного образования сведений о «полезных вещах» (*rerum utilium*) [4, с. 342]. Знаковый у стоиков образ мудреца вобрал в себя самое первое значение самого термина (*sofos*), выражающего практическую мудрость. Призывая, вслед за Сенекой, включать в список чтения «настоящих» и «признанных» писателей, Коменский называл главным признаком образованности, достойным человека, «сохранение памяти о прошлых событиях» [6, с. 9].

Таким образом, подход Я. А. Коменского к античному наследию имеет строго выверенный методологический характер, аналитико-синтетический в своей основе. Разрабатывая свою образовательную концепцию, Я. А. Коменский не терял из виду содержательный аспект выстраиваемой им концепции Пансофии и ссылался на разных античных авторов, подкрепляя свои суждения их взглядами. Это, с одной стороны, подтверждает тот объективный факт, что спустя время древние идеи работают, а с другой — содержит признание ценности трудов античных авторов, в которых великий христианский мыслитель выявлял конструктивные элементы, полезные для педагогической теории. В значительной степени фундамент своей дидактики Коменский выстраивал, основываясь на учении стоиков, которые в римский период разрабатывали практически ориентированную образовательную теорию, связанную с теоретико-познавательными аспектами. Обращение к античному наследию по-

служило важным фактором формирования философско-образовательного проекта, ориентированного на образ целостного знания. Опираясь на это наследие, Коменский выделял принципиальные моменты образовательного процесса: наличие природного начала в человеке, сводящегося к единому источнику, мастерство преподавателя, роль памяти, которую он определял как культурный феномен, как в обучении, так и в культуре в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Риторика / пер. О. Б. Цибенко. — М.: Лабиринт, 2007.
2. Демин Р. Н. Дельфийский завет и его истолкование Яном Амосом Коменским // Картина мира. Наука. Философия и Религия: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию юбилею астрофизика Н. А. Козырева. — СПб.: Петершуле, 2009. — С. 228–230.
3. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. 2-е изд. — СПб.: Маркс, 1995.
4. Коменский Я. А. Великая дидактика / пер. лат. текста А. Адольфа и С. Любомудрова. — М.: изд. К. И. Тихомирова, 1896.
5. Коменский Я. А. Великая дидактика / пер. лат. текста Д. Н. Королькова; под ред. А. А. Красновского. — М.: Учпедгиз, 1939.
6. Коменский Я. А. Об искусном пользовании книгами — первейшем инструменте природных дарований. — Прага, 1970.
7. Коменский Я. А. Пансофическая школа // Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. — М.: Педагогика, 1982.
8. Марк Аврелий. Размышления / пер. с древнегреч. С. Роговина. — Магнитогорск: Амрита-Урал, 1994.
9. Марчукова С. М. Драма Я. А. Коменского «Лабиринт света и Рай сердца» // Концептуальные вопросы преподавания «Духовно-нравственной культуры в школе». Материалы международной научно-практической конференции. — СПб.: Петершуле, 2009. С. 92–115.
10. Марчукова С. М. Эвристический потенциал идеи пансофийности в педагогическом наследии Я. А. Коменского. — СПб.: ФГНУ ИПООВ РАО, 2013.
11. Машевская С. М. Основы наук и «школа-театр» Я. А. Коменского // Поиск гармонии в мире хаоса: Ян Амос Коменский и современная философия образования. — СПб.: Петершуле, 2016. — С. 293–306.
12. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. — М.: Наука, 1977.
13. Степанова А. С. Педагогическая философия Яна Амоса Коменского и В. Ф. Одоевского // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2017. — № 5 (43), т. 1. — С. 36–48.